

ПОИСКИ ГЕРОЯ

(По рукописям «Кавказского пленника»)

Характером главного героя «Кавказского пленника» — первой своей романтической поэмы — Пушкин, как известно, остался недоволен.

«Характер Пленника неудачен»¹, — горестно признается он сразу же после выхода поэмы в свет. И уже значительно позднее повторяет: «Кавказский пленник» — первый неудачный опыт характера, с которым я насилу сладил» (XI, 145). Что это? Свидетельство необычайной творческой строгости Пушкина, требовательности к себе, самокритичности? Безусловно. Но, думается, есть в этой оценке и правда объективная. Ведь в сущности она и лежит в основе «приговора» собственным творениям «взыскательного художника» — такого, к какому обращает Пушкин свои знаменитые слова:

Ты сам свой высший суд.
Всех строже оценить сумеешь ты свой труд...

В данном случае «свой труд» Пушкин оценил по самому строгому счету. И любопытно, что собственная оценка поэта совпала и с отзывами о «Кавказском пленнике» современной ему критики. Нет, поэма была принята восторженно, но вот главный ее герой... Впрочем, предоставим слово первым пушкинским оппонентам.

¹ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в 16-ти т., т. XIII. М.—Л., 1949, стр. 52. (Далее все ссылки даются по этому изданию. Том и страница указаны в тексте.)

П. А. Плетнев: «Характер его (героя. — С. С.) не совсем обдуман и, следственно, не совсем удачен»².

М. П. Погодин: «Характер Пленника странен и вовсе не понятен. . в нем замечаются беспрестанные противоречия»³.

П. А. Вяземский: Характер героя «не всегда выдержан и, так сказать, не твердою рукою дорисован... Он только означен слегка, мы почти должны угадывать намерение автора и мысленно пополнять недоконченное в его творении»⁴.

Какое удивительное единодушие! И как неожиданно отзывы современников перекликаются с тем, что сказал о своем герое сам Пушкин: «...первый неудачный опыт характера...». Правда, Пушкин еще и добавил: «...С которым я насилу сладил». Добавление, заметим, очень существенное. «Насилу сладил», т. е. старался сладить, все делал, чтобы сладить...

Речь, как видим, идет о мучительной, трудной работе. И потому вряд ли правы и Плетнев и Вяземский, бросившие Пушкину упрек в «необдуманности» характера героя, в «нетвердости руки автора», другими словами, — в некоторой, что ли, легковесности, поспешности его работы.

В чем же причины столь разноречивых высказываний, объединенных тем не менее одной общей мыслью— характер пленника неудачен? Разобраться в этом вопросе стоит прежде всего потому, что герой «Кавказского пленника» — явление большого историко-литературного масштаба, герой новый, необычный, не знавший себе образцов на русской почве, вызвавший целую волну подражаний.

К счастью, у нас есть возможность увидеть пленника не только таким, каким предстает он со страниц окончательного текста поэмы, а проследить самый процесс его становления, самый «рост» его под пером Пушкина.

² П. А. Плетнев. «Кавказский пленник» Повесть А. Пушкина. В кн.: «Русская критическая литература о произведениях А. С. Пушкина». Хронологический сборник критико-библиографических статей. Собрал В. Зелинский, ч. I. М., 1887, стр. 99.

³ М. П. Погодин. Статья в «Вестнике Европы», 1823, ч. 128, № I. Там же, стр. 109.

⁴ П. А. Вяземский. О «Кавказском пленнике», повести А. Пушкина. Там же, стр. 103.

Мы располагаем пятью редакциями⁵ «Кавказского пленника», позволяющими почти полностью воссоздать историю текста поэмы, а вместе с нею и историю формирования образа главного героя.

Первая черновая редакция поэмы с наибольшей степенью вероятности позволяет судить о тех задачах, которые ставил перед собой Пушкин, приступая к работе над ней.

Этот самый первый пушкинский текст — наиболее лирический вариант поэмы и та доля субъективности, которая вообще характерна для «Кавказского пленника», здесь особенно велика.

Герою поэмы, здесь, в черновике, посвящена большая и лучшая часть стихов. Хотя, как известно, «большой и лучшей частью» поэмы⁶ сам Пушкин считал часть «этнографическую», связанную с изображением Кавказа, горцев. Однако Пушкин имел в виду окончательный, готовый текст поэмы. Здесь же, в черновой редакции — все иное. Иные авторские акценты, и смысловые, и эмоциональные, иной герой...

К нему, к герою, приковано внимание поэта, только он один занимает его воображение, все остальное — в тени, почти не обязательно... По-особому волнует и голос автора, повествующего о пленнике. И, наверное, по тому и трагическое прошлое героя, и печальное его настоящее, и душевные терзания его, и одолевающие его страсти — все это необычайно отчетливо предстает перед нами со страниц первого пушкинского черновика.

Исповедь героя занимает в черновике центральное место. Большую же часть ее составляет рассказ пленни-

⁵ 1) беловик начала поэмы, называвшейся тогда «Кавказ» (лл. 9—11 в «Записной книжке 1820—1822 гг.»);

2) основной черновик поэмы, следующий непосредственно за беловиком начальных строф и занимающий большую часть «Записной книжки 1820—1822 гг.» (лл. 11 об.—24 об., 26—28, 29—30 об., 40 об., 42 об., 59 об., 61, 62 об., 63, 64);

3) первая беловая редакция в так называемой «Первой кишиневской тетради» (занимает 23 листа);

4) вторая беловая редакция, представляющая собой отдельную тетрадку в 18 листов — «Чегодаевская рукопись»;

5) третий беловик — рукопись, посланная Пушкиным Гнедичу для напечатания («Гнедичевская»). Послужила оригиналом первого издания поэмы.

⁶ «Черкесы, их обычаи и нравы занимают большую и лучшую часть моей поэмы» (XIII, 52).

ка о своей роковой любви. Напомним, что и в окончательном тексте поэмы звучит этот мотив безответной страсти героя, незабытой, тревожащей до сих пор... Но звучит как-то приглушенно, робко. И потому не воспринимается как определяющий в душевной драме пленника.

Не то в черновике. Именно мотив трагической любви героя задает тон, отчетливо выделяясь своей яркостью, определенностью среди других мотивов, едва намеченных и не вполне убедительных.

Но уже в следующей редакции поэмы Пушкин значительно сокращает монолог пленника, и в ворохе черновых текстов остаются погребенными стихи, которым так и не суждено было увидеть свет. ...А ведь они многое могли бы объяснить в характере и поведении героя! Впрочем, судите сами.

Я помню, краткою порою
Утраченной весны моей,
Плененный жизнью молодою,
Не зная света, ни людей,
Я верил счастьем — в упоеньи
Летели дни мои
И сердце, полное мечтой,
Дремало в милом заблужденьи.

Настроение безмятежной юности, полной надежд, верящей в счастливую свою звезду, передают эти стихи, несмотря на элегический их тон!

А вот наброски к последней строчке:

1. Хозяин
2. Веселый земли
3. Я царь земли

Как видим, поэт ищет точное слово, образ, стремясь передать наиболее характерное в мироощущении героя — избыток жизненных сил, так понятную для юности замкнутость в себе, своего рода эгоцентризм — «Я царь земли».

Я наслаждался — блеск и шум
Пленяли мой беспечный ум,
Веселье чувства увлекало,
Но сердце втайне тосковало,
И, чуждое молодых пиров,
К иному счастью призывало...

Здесь характерно: «...Но сердце втайне тосковало...» Суета, шум светской жизни (а герой со всем пылом

мóлодóсти окуну́лся в нее) не наполнили душу. К иным радостям звала она...

Безумец! Я любви желал,
Другой не признавая власти,
И скоро час ее настал —
Я полюбил! Мятёжной страсти
Я пламень роковой познал.

*

Я полюбил — ужасный час
Решил судьбу мою!

*

Услышал я неверный зов,
Я полюбил — и сны младые
Слетели с изумленных вежд,
С тех пор исчезли дни златые,
С тех пор не ведаю надежд...

И пусть час, решивший его судьбу, герой называет «ужасным», чувство, овладевшее им, еще очень сильно.

О милый друг — когда б ты знала,
Когда б ты видела черты
Неотразимой красоты,
Когда б ты их воображала...
Но нет — словам не передать
Красу души ее небесной,
О, если б мог я рассказать
Ее (*нрзб*) звук чудесный...

После этих стихов, проникнутых живым чувством, трудно говорить о равнодушии, холодности пленника. А ведь именно эта черта характера героя особенно подчеркивается Пушкиным в окончательном тексте поэмы.

Кстати, заметим, что здесь в черновике пленник вообще выглядит более «земным», человечным; это скорее «слабый питомец нег», и уж никак не романтически приподнятый над толпой герой.

Итак, сохранившиеся черновые тексты поэмы дают возможность в какой-то степени судить о первоначальном пушкинском замысле, о художественной задаче, поставленной им на самом раннем этапе работы.

Скорее всего, это была задача **лирического самовыражения** и вряд ли «чисто реалистическая», как на то указывает Д. Д. Благой, ссылаясь на известное замечание Пушкина о своем герое: «Я в нем хотел **изобразить**

(выделено мною. — С. С.) это равнодушие к жизни и ее наслаждениям, эту преждевременную старость души, которая сделалась отличительными чертами молодежи XIX века» (XIII, 52).

«Признание это, — пишет Д. Д. Благой, — представляет исключительный интерес и имеет огромное значение. Оно показывает, что, едва окончив свою сказочную поэму, в самом начале южного, по преимуществу, романтического периода своего творчества, Пушкин как художник уже ставит перед собой задачу **чисто реалистического порядка** (выделено мною. — С. С.) — стремится дать в лице своего главного действующего лица широчайшее типическое обобщение, центральный образ эпохи — наиболее характерную фигуру современности, своего рода героя века»⁷.

Вряд ли эти слова Пушкина являются достаточным основанием для подобного вывода.

Кстати, одно уточнение, несколько проясняющее суть дела: скорее всего, слово «изобразить» в пушкинском высказывании употреблено в значении «выразить»⁸. О том, что это возможно, свидетельствует «Словарь языка Пушкина»⁹.

Пушкинское заявление неожиданно приобретает новый смысловой оттенок: ведь речь уже идет не об «изображении» (т. е. объективном показе) «отличительных черт молодежи XIX века», а о «выражении», т. е. **поэтической** передаче определенных чувств, настроений этой молодежи.

А это уже вряд ли «чисто реалистическая» задача. Она нисколько не противоречит той форме ее решения, которую избирает Пушкин (романтическая поэма).

Самым серьезным аргументом, позволяющим нам не согласиться с точкой зрения Д. Д. Благого, является изображенный Пушкиным характер, особенно в том виде, в каком предстает он со страниц чернового варианта

⁷ Д. Д. Благой. Творческий путь Пушкина, ч. I. М.—Л., 1950, стр. 257.

⁸ На эту любопытную и в данном случае весьма существенную деталь обратил наше внимание С. М. Бонди.

⁹ Изобразить

1. выразить, воплотить в художественном образе, в повествовании, в рассказе («Пускай твои небрежные напевы изобразят уныние мое»). «Словарь языка Пушкина» в 4-х т., т. II. М.—Л., 1957, стр. 207.

поэмы — самой первой, непосредственной стадии воплощения авторского замысла.

Первый вариант «Кавказского пленника» — попытка лирического самораскрытия поэта. Не случайно позднее Пушкин и сам, говоря о неудавшемся, с его точки зрения, характере пленника, признается в лирической основе замысла, в совершенно сознательном сближении себя со своим героем: «...доказывает это, что я не гожусь в герои романтического стихотворения» (XIII, 52).

Но есть и еще одно, не менее важное подтверждение глубокой лиричности, может быть, даже автобиографичности замысла Пушкина. Это цикл его стихотворений, созданных в период, примерно совпадающий со временем написания поэмы. В них — те же настроения душевного одиночества, внутренней опустошенности. И трагический мотив неразделенной любви, так отчетливо прозвучавший в черновиках «Кавказского пленника», слышится во многих из этих стихотворений («Мне вас не жаль, года весны моей», «Погасло дневное светило» и др.). И не о той же ли горькой своей любви вспоминает Пушкин в последних строфах «Бахчисарайского фонтана»?

Я помню столь же милый взгляд
И красоту еще земную,
Все думы сердца к ней летят,
Об ней в изгнании тоскую...
Безумец! полно! перестань.
Не оживляй тоски напрасной,
Мятежным снам любви несчастной
Заплачена тобою дань —
Опомнись; долго ль узник томный,
Тебе оковы лобызать
И в свете лирою нескромной
Свое безумство разглашать? ¹⁰

Кто знает, может быть, это нежелание «разглашать нескромной лирою свое безумство» и явилось одной из причин, заставивших Пушкина переработать большой монолог-исповедь своего героя...

Новая редакция исповеди до неузнаваемости непохожа на первоначальную.

¹⁰ Показательно, что эти стихи так и не были Пушкиным напечатаны.

Рассказ героя о «золотых днях» юности, полной надежд, о жажде счастья, любви и, наконец, о несбывшихся мечтах, жестоких разочарованиях и о мучительной страсти, опустошившей душу, резко сокращается. Поэт становится более сдержанным; мотивы автобиографические, личные приглушаются. Убираются детали, делающие судьбу пленника особенно «жалостной».

Больше того! Пушкин вводит в поэму строки, свидетельствующие о незаурядной внутренней силе героя. Так, в первом беловике появляются стихи, подчеркивающие холодное равнодушие пленника, его презрение к смерти.

Но русский равнодушно зрел
Сии кровавые забавы,
Любил он прежде игры славы
И жаждой гибели горел.
Невольник чести беспощадной
Вблизи видал он свой конец
На поединке твердый, хладный,
Встречая гибельный свинец.

Пушкин, как видим, явно стремится «романтизировать» пленника, в чем-то приблизить его к образу традиционного «байронического» героя.

Тем не менее, вряд ли характер пленника и в окончательном тексте поэмы воспринимается как характер подобного рода (т. е. чисто «байронического» склада).

Пушкинский герой многогранен. Его душевный мир — это сочетание самых разнообразных чувств, эмоций, настроений.

Пленник холоден, разочарован, уныл, но в то же время полон внутреннего огня, страсти; он слаб, беспомощен, изнежен, но и — тверд, смел, горд, свободолюбив и т. д.

Все эти весьма разноплановые моменты душевного настроения героя, вероятно, и вызвали обвинения критики в «неясности, неопределенности» его характера.

Истоки же этой разноплановости, скорее всего, как мы имели возможность убедиться, в тех изменениях, которые претерпел поэтический замысел Пушкина в процессе создания поэмы.

Основная тенденция изменений — об этом красноречиво свидетельствуют черновики — путь от лирического «я» к обобщенному «мы». «Я» заставило звучать мотивы неразделенной любви, душевных переживаний по

этому поводу, мотивы внутренней опустошенности и усталости — следствия сердечной драмы. «Мы» вызвало к жизни тему «байронической» приподнятости над обыденностью, ощущения своей избранности и отсюда — внутренней гордости, холодности и т. п.

Два начала — эмоциональное, личное, в чем-то автобиографическое и объективное, так сказать, взгляд со стороны в какой-то момент «роста» поэмы — слились воедино. И как результат этого синтеза явился пленник со всей своей сложностью и противоречивостью, с целой гаммой самых «разнокачественных» чувств и переживаний.

В подобной психологической обрисовке характера уже было что-то очень пушкинское, самобытное, характеризующие художественную манеру поэта уже в период его романтического творчества. Тут подготавливалась возможность появления Онегина. Онегин, как и пленник, сложен и противоречив. И в нем мы видим сочетание чувств и эмоций, на первый взгляд «несочетаемых»: холодность и способность воспламениться, разочарованность, опустошенность и огромный запас потенциальных жизненных сил, эгоизм и склонность к самопожертвованию и т. п.

Однако Онегин удивительно жизнен, психологически достоверен и убедителен, тогда как пленнику явно не достает внутренней логики, доказательности.

Почему родственный поэтический материал привел к таким несхожим результатам? Пожалуй, ответить на этот вопрос поможет уяснение художественных принципов Пушкина-романтика, создателя «Кавказского пленника» и реалиста, автора «Евгения Онегина».

Для Пушкина-романтика главной художественной задачей была задача **выражения** тем или иным способом волнующих его чувств, настроений без попытки их мотивировки, анализа.

Главная же цель Пушкина-реалиста, напротив, заключалась в том, чтобы представить изображаемый характер не только эмоционально, экспрессивно, а изнутри, объективно, доказательно, подчинив его собственной внутренней логике, своим особым внутренним законам, подчас не зависящим даже от воли и желания автора.

Романтический же пленник был лишен этой необходимой логики в своем поведении и образе мыслей. Пуш-

кни не «**изображал**» его, а «**выражал**» с его помощью свои идеи, чувства, переживания. Но мыслей и эмоций, требующих поэтического выхода, оказалось значительно больше, нежели могло быть выражено средствами романтического творчества.

Так явно вступили в противоречие необычайное художественное чутье Пушкина, сумевшего разглядеть в себе и в своем современнике целый мир, сложный и разнообразный, и узость поэтических задач, которыми он ограничил себя. «**Выразить**» оказалось слишком мало. Характер пленника требовал **объяснения**. И он, действительно, был объяснен, но уже значительно позднее, когда явился Онегин.

ЗАМЫСЕЛ, ТРУД, ВОПЛОЩЕНИЕ...

ПОД РЕДАКЦИЕЙ ПРОФ. В. И. КУЛЕШОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1977